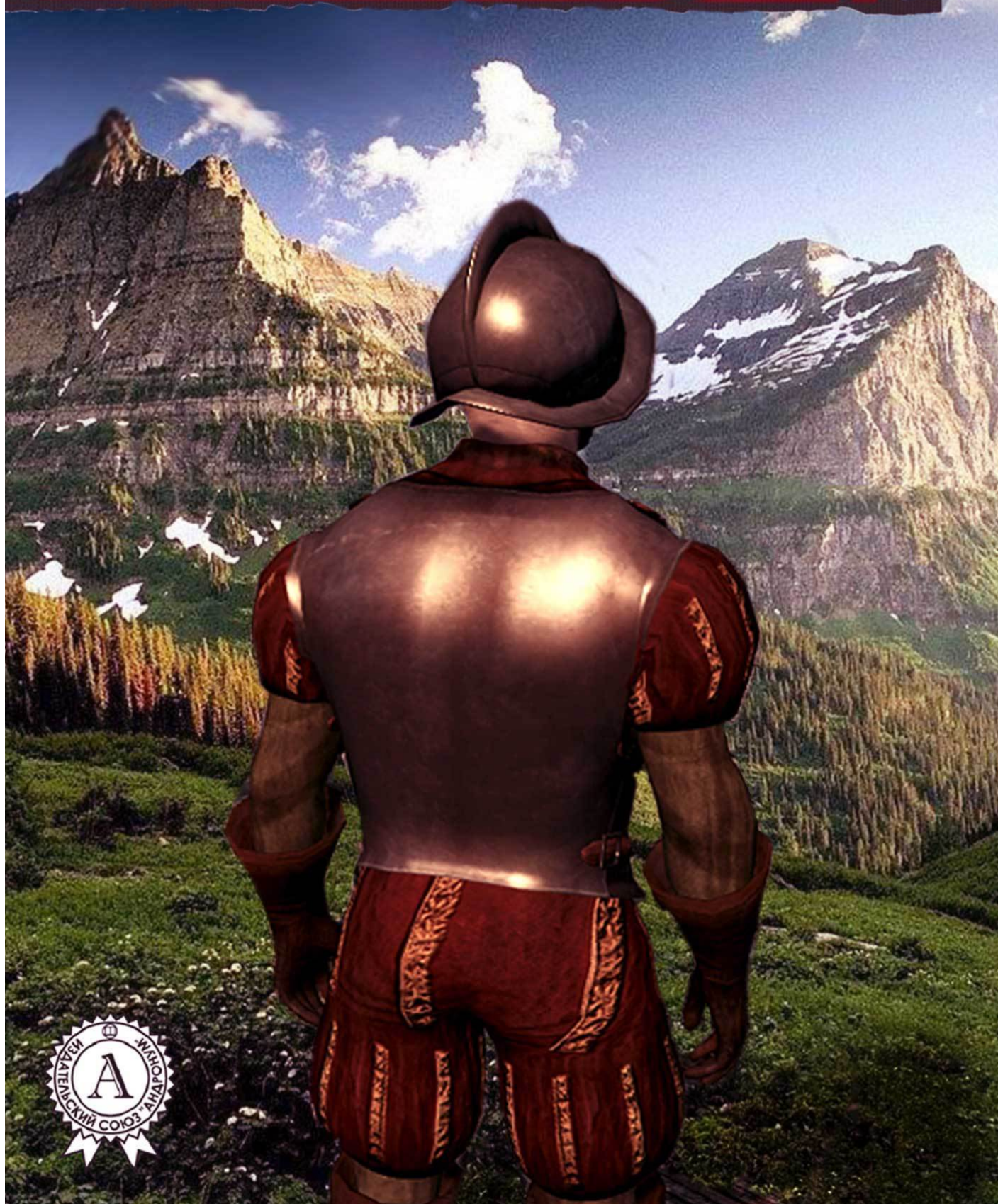

Геннадий ДЕМАРЁВ

КОНКИСТАДОР

Геннадий Демарев

Конкистадор

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Демарев Г.

Конкистадор / Г. Демарев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Повесть можно было бы отнести к числу рядовых приключенческих, если бы автор не уделял внимания морально-психологическому аспекту. События, описываемые в произведении, происходят в начале-середине 16 века и совпадают с покорением империи инков конкистадорами во главе с бывшим свинопасом Ф. Писарро. Главный герой повести - обыкновенный испанский юноша, по воле обстоятельств вынужденный покинуть родину. Здесь есть первая и единственная любовь, гибель девушки, поиск виновных, изощрённая месть... В книге немалое место уделяется описанию реальных исторических событий, - в частности, завоеванию Куско и открытию реки Амазонки.

© Демарев Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вместо предисловия	5
Предисловие автора	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Геннадий Демарёв

Конкистадор

Вместо предисловия

Как историку мне иногда приходится иметь дело с весьма и весьма любопытными документами. Это могут быть письма какого-нибудь деятеля прошлого, статистические данные или мемуары, проливающие свет на политические события былых времён, и многое другое. Недавно мне пришлось покопаться в архиве, обнаруженном на месте бывшего иезуитского монастыря, и среди разного хлама я увидел толстую старую, почерневшую от времени тетрадь, относящуюся к 16 столетию. Чего стоило привести её в надлежащий вид и перевести с испанского! Но эти труды не были напрасными, поскольку то, что в ней содержалось, оказалось весьма интересным. Конечно, автор тетради не сообщает нам ничего нового о покорении испанцами Перу, но уже то, что он был непосредственным участником этих событий, способно вознести сей документ в ранг наиболее интересных. К тому же, в этом повествовании проливается свет на некоторые обстоятельства, по поводу которых историки до сих пор не могут найти вразумительных объяснений. К примеру, о том, как закончил свои дни первооткрыватель реки Амазонки Франциско Орельяна.

Вначале я рассчитывал переделать это сочинение в приключенческую повесть, но впоследствии передумал. Видите ли, автор, некий Хуан де Веласкес, и сам обладал довольно незаурядными писательскими способностями. И я подумал: зачем сыпать соль в море, если оно и без того достаточно солёное? Пусть остаются неизменными сюжет, композиция и стиль, пусть читатели сами оценят это сочинение. Вот почему я предлагаю его вашему вниманию почти без изменений.

Предисловие автора

Когда бабочке надоедает один цветок, она расправляет крылья и перелетает на другой. Точно так же поступает и человек: почувствовав дискомфорт или скуку, он оставляет насиженное место, бросая друзей и родителей, отказываясь от того минимума, который обеспечивал ему относительный покой и стабильность, проявляя при этом максимум эгоизма, не заботясь об интересах всех, кто в него верил. Новое место или новое окружение – это как чистая страница, которую можно заполнить, как того сам пожелаешь, а всё, что было до того, с лёгкостью предаётся забвению, словно его и не было. Что ж, такова защитная реакция человека – существа эгоистичного, горделивого и непоседливого. Но, совершая поступок, он и в мыслях не может предполагать, что всё, что с ним когда-либо происходило, неминуемо сохраняется в той великой кладовой, которую мы называем памятью, и однажды наступит момент, когда кое-что спрятанное в ней, как ему казалось, надёжно, начинает напоминать о себе. Плохой продукт, как его ни прячь, обязательно напомнит о себе зловонием; и гниёт он день ото дня сильнее, – так, что от него начинает портиться всё окружающее. Если когда-то ты совершил отвратительный поступок или проявил излишнюю жестокость по отношению к кому-то, полагая, что в будущем сие деяние перекроется благими поступками и забудется, ты тем самым обрекаешь себя на ожидание возмездия. Потому что мы – не боги, и вследствие этого не в состоянии точно взвесить чью-то вину и, соответственно, определить точную меру наказания за неё. И вообще, для того, чтобы быть богом, надо, как минимум, уметь управлять случаем... Как правило, наш приговор оказывается жёстче и суровее вины ближнего. Конечно, собственную неправоту или угрызения совести мы можем спрятать за непроницаемым занавесом глаз, улыбки, за мишурой рассуждений о чести и долге. О, я мог бы многое рассказать о том, на какие подлости способен человек ради чести и долга, но для этого я слишком ценю время. Во всяком случае, теперь мне точно известно, что всё, что мы совершаем в молодости, вылезает боком в преклонном возрасте, и чем более мы бываем самоуверенны в правильности своего поступка, тем большее раскаяние испытываем впоследствии. Это касается тех случаев, когда наказанный человек был действительно виновен перед нами. А если спустя многие годы вдруг обнаруживается, что мы ошибались на его счёт? В таком случае угрызений совести могут не испытывать лишь три категории людей – идиоты, судейские (у которых, как известно, совести вовсе нет) и священники, которые лицемерно заявляют, что на всё – воля Божия. Вот так... Бог для них – эдакий рубаха-парень, за спиной которого можно спрятаться самому от глаз людских и за дланью которого удобно прятать собственное ничтожество. Однако, не осмеливаясь причислять себя ни к одному из вышеупомянутых типов, я решил описать свою жизнь на бумаге, уповаю на то, что это в какой-то степени облегчит тяжёлый груз, давящий на мою совесть. Полагаю, что это повыше исповеди, поскольку я не имею возможности заранее приобрести индульгенцию и не уверен, что буду понят и прощён.

ГЛАВА 1

В Испании можно насчитать великое множество семейств, которые, пользуясь различными ухищрениями, изо всех сил скрывают от окружающих собственную убогость. К числу подобных относилась и моя семья, что, впрочем, для Наварры, где она проживала, вовсе не удивительно. В этом краю бедность издавна не считается пороком, и здесь до сих пор можно встретить виконтов, баронов и даже графов, чья одежда существенно не отличается от крестьянской. Однако до конца прошлого века мой род ещё кое-как выкручивался, благодаря чему знатный герб подкреплялся землями, неким числом зависимых крестьян и относительным благосостоянием.

В семидесятые годы прошлого века христианнейшие величества Фердинанд и Изабелла, как вы, вероятно, помните, сочетались браком и начали объединять страну. На это понадобилось много средств. Впрочем, деньги выкачивались из самых разных источников, поэтому процесс был доведён до логического завершения – в течение десятка лет Испания превратилась в единое централизованное государство. Но казна настолько истощилась, что их величества порою не имели возможности выплачивать долги своим кредиторам или награждать отличившихся идалго. Но об их нищете подозревали лишь наиболее избранные люди; для подавляющего большинства подданных царственная чета казалась наиболее блистательной в Европе. Это мнение всячески поддерживалось церковью и, в частности, Конгрегацией Индекса Запрещённых Книг (или, говоря попросту, «святой» инквизицией).

Наблюдая за развитием политических событий, мой дед, человек уважаемый и, казалось бы, неглупый, подозревал, что объединение страны и реформы, затеянные королём, должны привести к экономическому процветанию. Ему казалось, что на народ вот-вот посыплется манна небесная или, по крайней мере, золотой дождь. Стараясь не остаться от сего дождя где-то вдали, он отважился на отчаянный шаг, который должен был максимально сократить расстояние между его кошельком и этими иллюзорными перспективами. Следует заметить, что до тех пор, находясь на службе у Его Величества, мой дед, Франциско де Веласкес, был на хорошем счету: за некоторые заслуги король даже пожаловал его орденом, а при встрече всегда доброжелательно улыбался. Конечно, в глазах челяди такие знаки внимания значили очень много, но деду хотелось заработать кое-что посущественнее орденской ленты и улыбок. Поэтому во время одной из встреч, пользуясь благим настроением монарха, он пригласил его посетить Наварру и отобедать в нашем родовом гнезде. Подобное приглашение могло бы показаться странным для людей, знакомых с народными баснями (помните ту из них, в которой говорится о крестьянине, вздумавшем пригласить в гости само Солнце?), но дед в тот час даже не задумывался о возможных последствиях.

Следует заметить, что приглашение коронованной особы на трапезу – идея вовсе не новая и, в принципе, ничего особенно зазорного в ней нет. За два года до описываемых событий некий барон де Охара тоже пригласил Его Величество пообедать в свой замок, находящийся где-то в глубинке Андалузии, и остался в выигрыше. Для того, чтобы привести замок в порядок, потребовалось более полумиллиона дукатов, которые король немедленно распорядился выдать; а после мероприятия барон превратился в маркиза с чином полковника. Моего почтенного дедушку вдохновил к действиям именно сей пример. В разные времена при разных королях таким же образом поступали некоторые люди и им удавалось исправить своё положение к лучшему. Но... Как я выяснил, достигнув сознательного возраста, упомянутый барон возглавлял партию, которая противилась объединению страны. Подкупив его, Фердинанд привлёк на свою сторону целую партию, в придачу к которой получил Андалузию. То есть, обед имел символическое значение; в действительности решались важные политические вопросы. Приблизительно так же обстояли дела и в остальных случаях королевской щедрости.

То, что крестьяне называли замком, на самом деле представляло собою довольно хлипкий каменный дом в два этажа. В нём было бы комнат восемь, если бы прежние хозяева обладали средствами на его своевременный ремонт. Но к описываемому времени несколько из них пребывали в довольно плачевном состоянии, вследствие чего жилыми оставались всего три. Жалованья деда хватало лишь на то, чтобы поддерживать в приглядном виде эти три комнаты да кормить семейство, состоящее из супруги, двух детей и служанки. Впрочем, всё бы ничего, кабы это жалованье выплачивалось своевременно. Моей бабушке то и дело приходилось своими руками чинить одежду и готовить пироги, а в периоды полного безденежья просить в долг у некоего еврея-ростовщика. В иные времена визит короля решал все проблемы подданного, но на сей раз всё закончилось по-другому...

Ради торжественного приёма дорогого гостя дед влез в огромные долги, ведь следовало помнить, что вместе с королём пожалуют и его приближённые, друзья, подхалимы и слуги. Всю эту ораву надо чем-то накормить, где-то разместить их лошадей и так далее. Дед, когда перед ним открылась вся горькая правда предстоящего мероприятия, ужаснулся, но отступить было слишком поздно. Да и выхода не было, кроме надежды на покрытие всех расходов королевской дланью. Помимо этого, он надеялся, что визит правителя устроит судьбу его сыновей. Что касается последних, это были два крепких парня, едва грамотных, зато сильных телом и воспитанных в лучших традициях испанской аристократии. Им бы на службу к королю, им бы выдвинуться на военном поприще, да ведь только на это тоже требовались деньги, деньги, деньги...

Хлопоты и приготовления продолжались в течение нескольких недель. Наконец наступил день, когда не только семейство графа де Веласкеса, но и соседи могли воочию узреть Величество, соблаговолившее посетить захудалый городишко Хака. В те времена наше селение наполовину состояло из французов, поскольку Наварра не раз переходила под опеку французской короны или же на некоторое время обретала автономию. Прямым следствием влияния французов стало распространение протестантизма, что, впрочем, нисколько не мешало мирно и дружно сосуществовать соседям. Протестанты даже одевались как-то свободнее, чем католики, отвергали крестное знамение, иконы, мессу и, конечно, папу римского. До тех пор они ещё не ведали, что такое святая инквизиция и Варфоломеевская ночь...

В тот день, как раз перед въездом в Хаку, Фердинанду доложили о том, что в столице что-то не ладится. В тот же миг сиятельная улыбка сменилась мрачным настроением. Король не замечал ничего, а на верноподданнические улыбки и приветствия каких-то Веласкесов он попросту не ответил. Ел он так мало, что поневоле создавалось впечатление, будто пища пришлась ему не по вкусу. Между тем, его многочисленная свита опустошала сады и лавки соседей, топтала копытами лошадей их нивы и цветники.

Закончив трапезу, Фердинанд встал, чтобы совершить благодарственную молитву. И тут ему бросилось в глаза, что не все присутствующие осеняют себя крестным знамением!

Что было дальше? Не стану углубляться в подробности; замечу лишь, что дед ничего не получил, а спустя несколько дней в Хаку приехали мрачные личности в монашеских одеяниях, которые хватали всех, кого подозревали в принадлежности к протестантизму. Естественно, немало семей потеряли кормильцев и обвиняли в этом именно семью де Веласкес. Деду ничего не оставалось, как переселиться в Бургос, а затем – в Саламанку. Королевскую службу ему пришлось оставить, как и семью: он скончался вскоре после того, как обосновался в Саламанке.

Что касается двух его сыновей, следует сказать, что старший из них, Диего, под вымышленным именем отправился в одно из тех безнадёжных плаваний, из которых редко кто возвращается, а младший, Фернандо, взялся за ум. Это позволило ему закончить колледж и стать преподавателем в нём. Позже, когда появился на свет ваш покорный слуга, он уже числился в свите Карла Пятого, где занимался невесть чем, за что получал неплохое жалованье.

Я родился в 1510 году, чем несказанно обрадовал родителей. К тому моменту они тщетно ожидали ребёнка более десяти лет. В природе, видите ли, иногда происходят довольно странные вещи, одной из которых можно считать деторождение. Здоровые люди, несмотря ни на что, почему-то не могут зачать ребёнка, и в этом благородном деле не в силах помочь ни лекари, ни молитвы, ни молебны. Признаться, я, после всей своей богатой на приключения жизни, не очень-то доверяю как первым, так и вторым и третьим, и мне кажется, что для того, чтобы женщина забеременела, нужно нечто иное. Уж так повелось, что католическая церковь в своём фанатизме вскричала, что любовь – это грех (хотя в первой главе Библии написано: «Живите и размножайтесь.»)... Во всяком случае, теперь вы можете понять, почему моему появлению так обрадовались и почему в этом доме в течение последующих лет все терпели моё непослушание. Кроме того, ввиду пропажи дяди и отсутствия у него детей я оказался единственным наследником родового имени. Мне прощалось всё – от разорванных панталон до выбитых окон, от драк со сверстниками до издевательств над животными и людьми. Да, именно людьми. И сейчас нахожу уместным поведать об этом подробнее.

Началось всё с того, что когда мне исполнилось лет пять или шесть, старшие мальчишки научили меня новому развлечению, которое заключалось в привязывании к кошащему хвосту колокольчика или иной дребезжащей вещицы. Наблюдать, как испуганное животное беспорядочно носится по двору – это ведь несравненное удовольствие. Во всяком случае, мне тогда так казалось. А всё – по причине избалованности и пресыщения родительским вниманием. К слову, те способы развлечения, которые избирал я, показались бы вам актами доброй воли в сравнении с «развлечениями» его величества Филиппа Второго. Излюбленным его развлечением считалось втыкание острых спиц в головы четвероногим...

Однажды перепуганная кошка выбежала из двора и в припадке страха набросилась на приходского священника. Это был пожилой человек со слабым сердцем. От неожиданности он упал и был вынужден провести несколько дней под наблюдением лекаря. Конечно, он понял, кому обязан счастьем вынужденного отдыха, кто именно мог привязать к хвосту животного колокольчик. Спустя неделю после случившегося он велел меня изловить и порядочно попотчевал розгой.

Я затаил обиду. Как вы, наверное, знаете, милостивый государь, мы, – испанцы, – люди порядочно злопамятные, в особенности насчёт того, что называется оскорблением, унижением чести и достоинства. Быть может, это происходит от того, что мы проживаем в суровых краях и обделены с раннего детства как лаской, так и самым необходимым?..

Каким образом ребёнок может отомстить взрослому человеку, к тому же облачённому в рясу? Да в католической Испании подобное никому и в голову не придёт! Но всё же я кое-что придумал на сей счёт.

Была у нас небольшая собачонка, весьма шаловливая и хитрая. Я приучил её цепляться зубами за конец верёвки и висеть. Вскоре наступил момент, когда я провёл серьёзную репетицию, прицепив такую верёвку к капюшону матери. Собака бесшумно подбежала и, схватившись зубами за конец, повисла на нём. Уже через день подвернулся случай для мести, когда мой враг выходил из храма. Незаметно прицепив верёвку к воротнику его плаща, я спрятался и стал ждать. Моя сообщница, заметив возжеланный конец верёвки, не заставила себя ждать. Видели бы вы насмерть перепуганного аббата, беспорядочно размахивающего руками – бледного, с вытаращенными от ужаса глазами!..

Однако именно этот случай стал переломным в моей судьбе. Драгоценное здоровье святого отца пошатнулось окончательно, а меня в срочном порядке определили в школу, в которой царили весьма строгие порядки. Увидев воочию, как там обращаются с нарушителями и лентяями, я немедленно взялся за ум и вскоре продемонстрировал чудеса прилежности, благовоспитанности и познания. В отличие от представителей простонародья, которые учились вместе со мной, меня обучали верховой езде, фехтованию и прочим премудростям, которые

могли когда-то пригодиться отпрыску дворянской семьи. Вместе с нами проходили обучение немало детей сомнительного происхождения, или так называемых внебрачных. В их числе был и Гонсало Писарро, приехавший из Трухильо. Поговаривали, будто отцом ему и его старшим братьям приходился некий гранд, который по каким-то причинам не мог официально вступить в брак с его матерью, простой крестьянкой. Что ж, в числе множества предрассудков, порождённых церковью, существует и такой. На мой взгляд, дело обстоит просто и ясно: встретились два человека, полюбили друг друга, нажили детей; почему бы не пожениться? Но нет, святая церковь не может позволить такую роскошь; причём, только потому, что он принадлежит к высшему сословию, а она – к низшему. А то, что его официальная супруга не способна родить ребёнка, церковь не интересуется. И какое ей вообще дело до чужих отношений?..

Ещё в то время Гонсало был мальчиком весьма уязвимым в вопросах чести. Он признавался, что в Трухильо его дразнили бастардом даже взрослые. Наверное, именно сие обстоятельство способствовало формированию в этом человеке величайшего себялюбия, подлости, хитрости, завистливости. Увы, в те годы мне было не дано рассуждать о людях с такой философичностью, поэтому я не сумел различить негативных задатков в товарище и подружился с ним. Мы жили в одной комнате, благодаря чему я имел возможность помогать ему постигать всё, что ему с трудом давалось – историю, риторику, богословие, грамматику, математику. Мы делили не только комнату, но порою и хлеб: когда Гонсало бывал наказан карцером, я тайне приносил ему пищу, которую удавалось припрятать за обедом.

Жизнь в школе протекала так, как должна протекать у хорошего ученика, каковым был я. В течение нескольких лет мне присуждали стипендии за высокие показатели в учёбе, что давало моим преподавателям повод возлагать на меня некоторые надежды. Что могло меня ожидать после школы в случае, если бы ничто не нарушило моего существования? Наверное, мне удалось бы закончить университет в Саламанке, получить степень доктора и преподавать в нём же. Или, быть может, сложилась бы научная карьера в области естественных знаний, права... Кто знает... Однако хотя бы раз в жизни всякого человека наступает момент, некое своеобразное испытание, которое разделяет его бытие на «до» и «после». Так случилось и со мной. Впоследствии я неоднократно задумывался над тем, что было бы, если бы не произошло того или этого, как всё могло сложиться... Право, сейчас мне кажется, что всё происходило именно так, как должно было происходить, потому что я поступал именно так, как должен был поступить в той или иной ситуации.

ГЛАВА 2

Мои личные испытания и невзгоды начались с того, что мой отец получил от Его Величества довольно завидную должность конюшего. Люди, не совсем чистые на руку, умеют извлечь из неё неплохую выгоду, не считая жалованья и подарков от короля. При дворе за спиной монарха всегда враждуют между собой несколько партий, которые претендуют на самые «сладкие» должности. Одна из партий, возглавляемая неким герцогом, в течение нескольких лет готовила почву для того, чтобы должность королевского конюшего досталась её человеку. Но воля короля нарушила эти планы. Мой отец не принадлежал к числу достаточно влиятельных людей, он не отличался ни состоятельностью, ни весомыми связями; если бы не король, он до скончания века остался бы неприметным, самым заурядным человеком. Но всем известно, что когда на пути партии становится обыкновенный человек, его раздавливают, как букашку. Отцу предложили продать должность, но цена была назначена столь смехотворная, что он вынужден был отказаться. Что значит для подданного продать полученную должность? Да король был бы первым, кто затаил бы обиду на него. Следовательно, ему должны были предложить такую цену, которая позволила бы оставить двор и уехать из столицы как можно подальше, чтобы не попадаться королю на глаза.

Получив отказ от мелкой пешки, партия вознегодовала. Отца решили устранить, но не как-нибудь, а способом чрезвычайно жестоким. В числе родственников упомянутого герцога был великий инквизитор. Однажды в дом моей матери ворвались несколько монахов, избили её и увезли в столицу. Там несчастная женщина узнала, что её муж арестован по подозрению в заговоре против Его Величества. Поговаривали, будто он даже прибегал к помощи магии. Нашлись и доказательства: какая-то несчастная, приговорённая к аутодафе, подписалась под выбитым из её уст признанием, что якобы граф де Веласкес просил её договориться с Дьяволом об умерщвлении короля. Мне стало также известно имя монаха, проявлявшего жестокость по отношению к моим родителям – некто Эспиноса.

О, Испания! Сколько испытаний ты перенесла по вине душевнобольных фанатиков, облачённых в рясы и клобуки! В своих фантазиях они доходят даже до того, что признают чтение Библии греховным...

Спрашивается: если даже допустить, что человек в чём-то виновен, при чём здесь его семья? О, на сей вопрос у служителей Господа тоже есть ответ, сформулированный в строгих библейских традициях: «до пятого колена...» И так далее. Вам следует понять, что мне нелегко освещать эту тему подробно, но полагаю, что и без того достаточно понятно, чем всё закончилось. Отца приговорили к высшей мере наказания, а мать, не выдержав пыток, скончалась в одной из многочисленных подземных камер собора Сант-Яго.

Дирекция школы, не различив во мне «врага престола и церкви», на всякий случай всё же вытурила меня из заведения, и мне пришлось возвращаться домой. В те дни мне едва исполнилось четырнадцать лет. По странному стечению обстоятельств меня не преследовали, хотя я чувствовал себя настолько обиженным, что сам готов был заключить сделку со всевозможными силами ради отмщения не только за мать и отца, но и за поруганную честь. По столь же странной случайности шкатулка, в которой хранились кое-какие драгоценности матери, оказалась нетронутой, как и секретер отца, в котором я нашёл несколько десятков песо де оро. На эти средства я и жил в течение месяцев пяти, пока не утихла шумиха вокруг моей фамилии. А потом мне подвернулась возможность зарабатывать на жизнь и... первая и единственная в моей жизни любовь.

Следует заметить, что в квартале многие меня жалели, ведь всякий здравомыслящий человек понимал, что «участие в заговоре», «занятия магией» и прочее – не более, чем бредни. Но никто не отваживался сочувствовать мне открыто, поскольку обыкновенно после расправы

с «врагами престола и церкви» инквизиторы добирались не только к «детям врагов», но и к «друзьям врагов» и «друзьям детей врагов». Тем не менее, нашёлся один купец, у которого возникла такая необходимость в секретаре, что он решился принять меня на службу. А чего удивляться: я умел читать, писать, знал математику, языки – испанский, португальский, французский и, конечно, латынь, – мог вести переписку и заниматься многим другим. Несмотря на свои четырнадцать лет, я выглядел на все семнадцать, отличался некоторой благовидностью и силой, так что при случае мог заменить телохранителя. Мой хозяин, господин Мигель Хуарес, отличался внимательностью, аккуратностью, добротой, как это характерно для людей, многое повидавших на своём веку. Кроме того, в своё время он много путешествовал. Ещё в молодости он побывал в Африке, где заразился какой-то тропической хворью, которая напоминала о себе даже спустя многие годы. Сеньор Хуарес сколотил состояние на перевозках в Испанию различных пряностей. Отойдя от дел, он обзавёлся семьёй и, по мере надобности, врачевал некоторые болезни тем, кто к нему обращался. Не зря утверждали древние, что длительные путешествия – первый шаг на пути к мудрости. Этот человек не только побывал в Африке, но и познакомился с многими народами, её населяющими; он прожил три года в Индии, изучая в свободное время её обычаи и медицину, успел принять участие в одном из плаваний Колумба в Вест-Индию, объездил почти все европейские страны. Чего он только не знал! Едва переступив порог его дома, я привязался к этому удивительному человеку крепче, нежели к родному отцу, – настолько сразили меня его знания и манеры. С этого дня для меня началось самое счастливое время, о котором я до сих пор вспоминаю с величайшим упоением. И сожалением, ибо оно ушло в небытие очень скоро и необратимо.

Специфику работы я усвоил довольно быстро, справлялся с ней споро, так что у меня ещё оставалось достаточно свободного времени для бесед с хозяином и чтения книг в его личной библиотеке. Домой мне все равно не хотелось уходить, поскольку кроме тягостного и унылого одиночества меня там ничего не ждало; разве что иногда, примерно раз в месяц приходил Гонсало. Он сообщал мне школьные новости (правда, оказавшись без моей поддержки, он был вынужден вскорости бросить учёбу), рассказывал о драках с моими бывшими одноклассниками, в которых он неизменно проигрывал. Так что благодаря заботам достойного дон Хуареса я довольно скоро сумел оправиться от горя и снова почувствовать себя человеком.

Но у его дома существовало ещё одно великое достоинство: там жила дочь моего покровителя, сеньорита Хуанита. При первой же встрече она предстала передо мной, как ангел небесный. Это создание обладало белокурыми волосами, – такими же, как у её покойной матери-француженки, – нежным голосом и светлыми глазами. Я полюбил её тотчас же; впрочем, как и она меня. Эта любовь стала великим чудом: обладая животворящей, ободряющей, облагораживающей силой, она шлифовала мой характер да и весь внутренний мир в лучшую сторону, отбрасывая от моего «я» всё лишнее, порочное и грязное, оставляя и совершенствуя лишь наиболее ценное. Эта любовь вошла в поговорку среди жителей нашего квартала; даже священник не раз говорил брачующимся: «Любите друг друга так, как любят Хуан и Хуанита!» В течение первого года эта любовь, если так можно выразиться, просто тлела, словно уголёк в куче золы. Мы всё чего-то стеснялись, наше поведение сковывалось бесчисленными предрассудками, называемыми этикетом и церковными запретами. Но случай смёл всю эту мишуру одним-единственным дуновением.

Произошло это в конце 1524 года, когда зима разразилась небывалыми для наших краёв дождями и бурями. В один из дней, завершив повседневную работу, я собрался уходить, но дон Мигель, взглянув в окно, покачал головой:

– Оставался бы ты у нас, сынок. На дворе такое творится, что хороший хозяин даже собаку не прогонит.

Я и остался, втайне радуясь очередной возможности полюбоваться Хуанитой. После ужина мы разошлись по комнатам, готовясь ко сну. Ничто не предвещало беды. Я улёгся,

завернулся в тёплое одеяло, но даже согревшись, долго не мог уснуть. Повертевшись с боку на бок часа три, я услышал за дверью какой-то необычный звук, напоминающий мужской говор. Хозяин не имел привычки бродить по ночам по коридору и, тем более, разговаривать сам с собой, поэтому звуки меня насторожили. Частенько я носил шпагу, как это полагается лицам дворянского сословия, но в этот день я оставил её дома, ограничившись только добрым кинжалом работы сарагосских мастеров. Бесшумно облачившись, я сжал клинок в правой руке и, приоткрыв дверь, осторожно выглянул в коридор. Перед дверью спальни дон Хуареса разыгрывалась ужасная сцена: один из незваных гостей держал хозяина за горло, а другой, приставив к его груди нож, о чём-то спрашивал угрожающим тоном. Против двух крепких молодых мужчин ослабленный болезнями старик ничего не мог предпринять. Как впоследствии оказалось, это были воры, которые, воспользовавшись погодными условиями, решили поживиться за счёт богатого купца. Кто знает, чем это могло завершиться, не появившись вовремя я. Заметив меня, злоумышленники совершенно растерялись. Один из них опустил нож, а другой ослабил хватку на горле моего покровителя. Воспользовавшись этим, дон Мигель ударил вора локтём в живот и, развернувшись, вступил с ним в неравную схватку. Что касается второго, тот, различив во мне юнца, надеялся на то, что со мной будет легко расправиться. Да не тут-то было! Увернувшись от ножа, я нанёс ему удар в грудь. Это был первый убитый мною человек. Но в тот миг я был далёк от таких мыслей. Ещё не дождавшись, когда поверженный противник упадёт, я счёл необходимым прийти на помощь отцу Хуаните. Поскольку кинжал остался в груди вора, мне пришлось пустить в ход кулаки. Лишь после того, как пришелец был связан, я заметил Хуаниту, которую разбудил шум драки. Именно она заметила, что я ранен. И когда только противник успел продырявить мою драгоценную шкуру – ума не приложу. Не доверяя своим личным познаниям, дон Хуарес вызвал врача, который, осмотрев мою рану, признал её не опасной. К моему счастью, он оказался довольно посредственным специалистом и, на всякий случай, запретил куда-либо меня переносить, прописал строжайший постельный режим и кучу лекарств. До того я и представить себе не мог, как это приятно – чувствовать себя в роли спасителя отца любимой девушки. Меня превратили в самое ценное домашнее приобретение, вокруг меня вертелись слуги, Хуанита да и сам дон Хуарес, готовые удовлетворить любой мой каприз. Правда, смею вас уверить, что мне и в голову не пришло воспользоваться своим положением в корыстных целях. Однако, начиная с этого момента, хозяин взирал на меня не просто как на возможного зятя, а так, словно моя свадьба с его дочерью – факт сам собою разумеющийся.

Что касается угрызений совести по поводу человекоубийства, смею вас уверить, что ничего подобного я не испытывал. Видите ли, в наши времена людей воспитывали не так, как воспитывают сейчас. Да, нынче тоже происходят дуэли и убийства, но вас воспитывают уже на тех принципах, которые выгодны церкви и королю: убивать нельзя, потому что церковь и король теряют очередного налогоплательщика, крестьянина или ремесленника. А в наши времена на это взирали просто: виноват – получи ответ, только и всего.

Теперь мы с Хуанитой проводили вместе много времени либо дома, либо прогуливаясь по городу. Признаться, кое-кто мне завидовал, но тогда я был слишком наивен для того, чтобы подозревать людей в недобрых мыслях. В глаза они доброжелательно улыбались, некоторые выражали восхищение мужеством и выдержкой, проявленными мною, кое-кто даже желал всего наилучшего нам с невестой. Жизнь казалась сказкой, и мне грезилось, что так оно и будет продолжаться до бесконечности. Мы часто проводили время на берегу озера, держась за руки, целомудренно целуясь и мечтая. Это было так неповторимо... Не знаю, как и выразить ту полноту чувств, которую можно назвать одним-единственным словом – счастье.

Иногда ко мне заходил Гонсало. После того, как его вышвырнули из школы, он нашёл для себя единственное занятие, к которому оказался пригоден – пас свиней у родного отца. Его нельзя было назвать тупицей, ибо для этого он был слишком хитрым и находчивым. Навер-

ное, наши учителя не сумели найти к нему подход. В житейских ситуациях он проявлял себя великолепно, умел со всеми договориться, всё предвидеть, чутьём лисицы улавливал, что и как можно говорить тому или иному человеку. Это был, можно сказать, врождённый дипломат. Но начала арифметики и грамматика оказались ему не по силам. Странно... А может, вся проблема заключалась в его лени?

При знакомстве с Хуанитой он пришёл в восхищение и заявил, что отныне будет для неё первым другом.

Он ей сразу не пришёлся по сердцу.

– Чем? – в недоумении спрашивал я.

– Не знаю, милый, – ответила она. – Есть в нём нечто неуловимое, скрытное, скользкое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.